

На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает доктор политических наук, профессор **Алексей Демосфенович БОГАТУРОВ**

РОССИЯ БЫЛА И ОСТАЕТСЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАНОЙ, ЧТО НЕ МЕШАЕТ ЕЙ ПОВОРАЧИВАТЬСЯ БОЛЬШЕ К АЗИИ

Доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ведущий российский исследователь в области международных отношений, автор многих книг в этой области, последняя из которых — «Прикладной анализ международной политики. Ситуации и конфликты 1992–2021 годы» — вышла в 2022 году. Был заместителем директора в Институте США и Канады (2000–2003 годы) и в Институте проблем международной безопасности РАН (2004–2005 годы), первым проректором МГИМО (2007–2012 годы). Занимает должность председателя редакционной коллегии журнала «Международные процессы».

— В условиях глобализации экономики долгое время казалось, что государства все более взаимосвязаны общими интересами, прежде всего экономическими. Однако теперь выясняется, что экономические интересы не объединяют их в достаточной степени и политика как выражение идеологического подхода государств сильнее прагматики. В чем, на Ваш взгляд, состоит принципиальное расхождение в идеологиях России и западного мира? Каковы фундаментальные причины нынешнего конфликта между РФ и США?

— Расхождения между Западом и Россией сильнее, чем ожидалось, ввиду промежуточного положения нашей страны — между Европой и Азией. В последние 30 лет замечалась тенденция к преодолению этого положения, к сближению России с остальной

Европой, но сейчас она сходит на нет и РФ начинает поворачиваться в сторону Азии, может быть, снова на несколько десятилетий. Конечно, недооценивать роль США и личностный фактор в этом повороте было бы опрометчиво: президент США сильный человек и российский президент В.В. Путин отнюдь не менее силен. Негатив в отношениях России и США, накопившийся с 2014 года, немал. Британия, Польша, три страны Прибалтики лишь дополняют картину в данном раскладе.

Экономика в этом смысле играет по-прежнему важнейшую роль, но теперь применительно к России проявляет себя тенденция к усилению не западных, а восточных измерений. Наблюдаются попытки повернуть российские экономические интересы на Восток — в Китай, Индию, Юго-Восточную Азию, Турцию, Иран, Пакистан, Египет, Южную Корею, страны Центральной Азии. Очень много противоречий и сложных тенденций в хитросплетениях экономических политик стран Востока, потому что в основе общемировой экономики определяющими являются главным образом интересы крупнейших западных компаний — в большей мере, чем китайских или российских.

— А есть ли у государств европейского региона такие общие ценности, которые позволили бы достигнуть договоренностей и разрешить существующий конфликт?

— Надо внести ясность в наши представления о раскладе сил: ценности европейских государств и ценности государств Северной Америки — это отнюдь не всегда одно и то же. Надо четко представлять себе Францию, Германию, Италию, Испанию, Венгрию, Сербию, с одной стороны, и Британию, Польшу и три страны Прибалтики — с другой. Это интересы, которые совсем не совпадают, как видно даже по сообщениям телевидения о реакциях европейских государств на фоне украинских событий. Конечно, НАТО — это военный союз, игнорировать его европейские страны не могут, а влияние США со стороны — это мощный фактор натовской внешней политики.

Договориться с Украиной теоретически, конечно, возможно, но проблема в том, что сегодня нет украинской политики, а есть украино-американская внешняя политика. Налицо не просто украинская политика, а западноукраинский вариант этой политики, продиктованный

американскими и канадскими «украино-политиками», так сказать!

— А в чем, по Вашему мнению, заключается различие в подходах двух названных Вами групп европейских стран?

— Есть, как я уже говорил, две группы стран: с одной стороны, Германия, Франция, Италия, Испания, Венгрия и Сербия, а с другой — США, Британия, Нидерланды, Польша, «прибалтийские карлики», Чехия. Между ними идет закулисная борьба, одни заинтересованы в скорейшем прекращении конфликта, другие, напротив, хотят оживления конфликта между Киевом и Москвой — для них в нем заключается гарантия притока американской помощи на военные и связанные с ними расходы «малых союзников» США.

— Надо ли понимать так, что Британия, Польша и страны Прибалтики занимают более непримиримую позицию в отношении нынешней РФ? Они следуют в фарватере США или это их собственная, самостоятельная политика? Представляют ли они собой некий отдельный полюс в мировой политике? Как вообще нынче устроено историческое партнерство Британии и США? Кто ведомый и кто ведущий в этом альянсе?

— Более непримиримую, чем «кто»? (*Смеется.*) Перечисленные Вами страны едины с Соединенными Штатами в своем порыве, чего нельзя сказать о других государствах альянса. Мне представляется, что это они составляют «отдельный полюс» в европейской политике Запада, а военная и экономическая роль США и Британии является ведущей.

Польша с ее нынешним президентом возликовала: у нее, кажется, возникла на какой-то момент иллюзия о шансе на «возращение» западных районов Украины в состав «единой Польши»! Только я не думаю, что в этом расчете есть смысл. Западноукраинский национализм, направленный кроме востока еще и на запад, — страшная вещь. Западноукраинско-польские национальные противоречия не воображаемые, они никуда не делись и легко могут возобновиться! Есть о чем подумать и нынешнему правительству Литвы.

— Наш век глобализации, при которой все зависит от всех, причудливо сочетается с однополяр-

ностью мира. Какие тенденции будут преобладать в ближайшее время — к деглобализации, изоляции или..?

— (Смеется.) О чем Вы говорите! Сейчас говорить в таких терминах нельзя — нет оснований! Это слишком традиционная и уже устаревшая терминология. Скорее, речь может идти о существовании общеазиатской или азиатско-африканской тенденции к выработке принципа общности восточных юридических понятий о суверенитете, особом восточном подходе к выборам, о восточных способах продвижения своих экономических интересов и т.д.

— То есть четкой тенденции нет, и глобализация порой осуществляется специфическими методами, далекими от привычных западных стандартов?

— «Глобализация» — слово, сильно смущающее меня с 2014 года. Есть другое выражение — «общемировые тенденции», оно кажется мне более приемлемым, потому что включает в себя экономическое и политическое содержание. Остальное логично выводится не только из западных, но и из восточных «стандартов» взаимодействия. Отсюда проистекает разница в методах западной и восточной традиций. Это притом что восточная традиция не вполне сформировалась до сих пор, идет ее медленное развитие в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

— После Второй мировой войны были созданы институты, позволяющие государствам вести диалог и приходиться к соглашениям, прежде всего ООН. А сейчас важная роль этой организации сохраняется? Или требуется создание каких-то новых учреждений? По какому принципу они могут быть построены?

— Думаю, что роль ООН неизменна! Надо использовать ее возможности для того, чтобы говорить о целях внешней политики России в первую очередь. Какое значение будет иметь ООН в будущем? Неизвестно. Сейчас идет специальная военная операция на Украине, и пока в ней настолько много неясностей, что о судьбе ООН рассуждать нет смысла.

— Просто есть ощущение, что великие державы все чаще обходятся без санкции Совета Безопасности, потому что добиться согласия остальных

великих держав нереально. Но это приводит к снижению роли международного права. Насущна ли реформа Совбеза ООН и какие страны могли бы быть в него включены в качестве постоянных членов?

— Трудно сказать. В моей позиции за последние восемь лет происходят изменения: если раньше я был против любых реформ, то после 2014 года, кажется, я склоняюсь к мысли о присоединении к Совбезу Индии. Может быть, также Бразилии, а может быть, и нет: страна-то огромная...

— Разве огромность страны не является доводом в пользу дарования ей этого статуса? И не кажется ли Вам, что появление новых членов открывает ящик Пандоры, создает прецедент, ведь появятся новые желающие... Например, кто-то будет представлять в Совбезе арабский или вообще мусульманский мир. А что касается именно Индии, то ее роль в мировых делах слишком мала и она варится в собственном соку, разве нет?

— Рассуждать, я бы сказал, попробуем несколько иначе. Размеры и население — это не аргумент в пользу решения вопроса о включении страны в избираемый орган.

Другое дело — соотношение населения, территории и ядерного военного статуса! Вот это — да, приходится учитывать в международных отношениях! Именно это заставило меня склоняться в сторону принятия скорее положительного решения относительно Индии.

— Создание международных организаций фактически привело к тому, что государства делегировали им определенную часть своих полномочий. Сейчас в рамках налагаемых на РФ санкций видно, что нет единого центра принятия решений и нет согласованности между государствами. Это свидетельствует о том, что государства не хотят больше делиться своим суверенитетом? Институт государственного суверенитета изменился за последние десятилетия? Сейчас содержание этого понятия меняется?

— Если Вы имеете в виду ЕС, то я согласен. Действительно, принятие в нем решений предстает

сплошным «актом несогласия» в политических делах континентальной Европы. «Малые государства» ЕС превратились в тормоз, препятствующий гибкому политическому маневрированию французской, германской или итальянской дипломатии. Последние во многих случаях хотят, но не решаются преодолеть сопротивление «малых стран Восточной Европы»!

— То есть суверенитет больших стран оказывается как бы урезан малыми? Очень необычная комбинация!

— В какой-то степени происходит именно это! Много противоречивых тенденций: Европейский союз — надгосударственное объединение, но не государство; Европейский парламент не имеет права самостоятельно принимать законы; Европейская комиссия — фактически «правительство ЕС», но не принимающее мер, обязательных к исполнению! С ними надо считаться дипломатии Франции, Германии, Италии, Испании... «Лидеры оппозиции», Польша, например, или Чехия, приобретают влиятельную роль в рассмотрении европейских проблем.

— Санкции — это эффективный метод воздействия на другое государство в целях изменения его государственной политики?

— Нет, практика после Второй мировой войны показала, что экономические санкции в основном не приносят того результата, на который рассчитывали. Другое дело, что есть психологический эффект влияния на Россию — санкции оказывают угнетающее воздействие на всех, кто профессионально должен иметь дело с западными странами прежде всего в военных и политических аспектах.

Но государственная политика и в этом случае остается незыблема: чем больше шума по поводу санкций, тем решительней их вводят. Так было в Европе в начале 1980-х годов, в ходе польских протестов в 1970 и 1981 годах. Была принята «стратегия санкций», подорвавшая экономические проекты сотрудничества Западной Европы, в том числе ФРГ, с социалистическими странами, но в конце концов оказалось, что санкции бессильны. США и их сподвижникам ничего не удалось достигнуть в смысле изменения внутренней ситуации в Польше.

Сейчас мы видим то же самое: эмбарго на газовый импорт из России обернулось потерями для экономик ФРГ и всех остальных стран, зависимых от него. Есть версия, что именно в этом и были заинтересованы США и Канада. Уговаривали-заставляли европейские страны импортировать американские и канадские ресурсы, сжиженный газ из Канады и США. Очень долго добивались прекращения импорта газа Германией из России, и вот теперь налицо потеря выгод ФРГ от сотрудничества с РФ. Ведь не случайно упорно и с криками настаивали на этом американцы, аргументируя, так сказать, «задачами НАТО как опоры стратегической стабильности против России и Белоруссии», пытаясь заставить ФРГ двинуться к изменению экономических отношений с Россией, и в конце концов Германия, пусть и нехотя, официально приобщилась к антироссийским выпадам в связи с ситуацией на Украине.

— Насколько, по Вашему мнению, вероятен в обозримом будущем прямой конфликт РФ и НАТО?

— По-моему, нереален! Слишком большими угрозами чревато такое столкновение! Допустить, что будет применено ядерное оружие... Нет, не думаю, что это реально. Да и причем здесь Украина?..

— Далекая Украина действительно должна бы интересовать США не больше, чем нас интересует Мексика. Но чем же реально мотивируется упорное расширение НАТО на Восток, идущее вопреки возражениям РФ? Не кажется ли Вам, что политика Соединенных Штатов, особенно в исполнении Демократической партии, преследует уже не прагматичные интересы страны под названием США, а какие-то наднациональные цели с мессианским оттенком — переустроить мир на началах американской версии либерализма?

— Я бы так не говорил. Во-первых, Украина интересуется США, точнее Байдена, больше, чем можно было бы ожидать, из-за того, что там оказался его сын и официальные дамы, проявившие большую заинтересованность!

Во-вторых, расширение НАТО на Восток — это другое дело, оно было среди долгосрочных целей союза.

В-третьих, исполнение этой идеи в интерпретации демократической партии есть совпадение мысли

о расширении НАТО и американских идей демократии, и что из этого вышло — смотрите сами! В этом смысле, я бы сказал, Западная Украина рискует больше, чем Восточная (разделенная сейчас на разные части!) и Центральная. Сегодня это «практический альянс»: украинская диаспора Канады, США и западные украинцы во Львове. Канадские и американские украинцы — это «эмигрировавшие-законсервированные люди», они не были в курсе взаимоотношений двух стран в течение по крайней мере 100–150 лет. А что это такое? Кровь, жертвы, разрушения на украинском востоке и юге — вот цена вопроса самосознания.

— В условиях усиления Китая и разрыва с Америкой не окажется ли Россия между Сциллой и Харибдой, Азией и западным миром? Не перестанет ли она вообще быть европейской страной?

— Это две разные проблемы. Во-первых, Россия была и остается европейской страной, что не мешает ей поворачиваться больше к Азии. В этом заключается, если хотите, насильственно решаемая задача усиления в себе самой опережающей тенденции к углублению экономического и политического сотрудничества с Востоком. Это давняя цель, ее происхождение не связано с текущей политической конъюнктурой.

Во-вторых, идея «застревания» между Востоком и Западом не вполне корректна. Изгнать Россию из Европы — задача, конечно, нереальная. Другое дело, что нынешний, как говорится, «кризис» в российско-западных отношениях во многом определен

политикой США, их президента Байдена, и Канады, в которой сильна украинская диаспора. С уходом Байдена, я думаю, политика, скорее всего, изменится в сторону ослабления антироссийского натиска.

Отношения с Турцией, Китаем, Индией, Египтом, Ираном, Казахстаном, Юго-Восточной Азией, Южной Кореей — это долгосрочная установка политики России. Восток — надежда и, я бы сказал, плод нашей внешней политики. Трудное, но и успешное ее направление. Пора сформулировать и вместе с лидерами восточных стран общие основы внешней политики, провести совещание, форум, создать ассоциации по проблемам дипломатии восточных стран. Это приведет к раздражению стран западного блока, но вместе с тем стимулирует самосознание лидеров восточных стран: мы страны Востока и в то же время общего мира, мы имеем возможность провести общевосточное совещание по вопросам экономики и политики наших стран. Это приведет к повышению уровня общего видения восточных проблем. Почему бы не созвать, например, первую конференцию по юридическим проблемам стран Востока?

— Между прочим, следующий номер нашего журнала будет посвящен как раз праву КНР. А насколько велик, на Ваш взгляд, риск попадания Москвы в долговременную зависимость от Пекина?

— Трудный вопрос. Насколько я понимаю, он заботит и российское руководство. Риск есть, но разница в потенциалах тоже присутствует. Россия будет стремиться избежать такой зависимости. ²